

Александр ФАЙНБЕРГ

Стихи Александра Файнберга всегда неожиданны. Это потому, что они живые. А «стихи живые сами говорят. И не о чем-то говорят, а что-то».

Я знала Сашу в доперестроечные времена, знаю его и в постсоветское время. Мало что изменилось. Те же человеческие качества: распахнутость, правда, неумение видеть ничего, кроме светящейся внутри истины. А уж при этом-то — какая вбиваемая насильственно идеология, какое умение принимать желаемое за действительное, какое служение сильным и всеимущим мира сего?

Исключено. Только служение природному, до микрона точному поэтическому дару.

Поэтическое самосознание, знание своего расположения в стране ПОЭЗИЯ у Файнберга очень скромное, как и надлежит истинному поэту.

*Как нереальна музыка твоя!
Людей не слышит и богов не молит.
Как будто ветер странствует над морем,
вздымая паруса без корабля.*

*Зачем зовут меня твои моря?
Я — сын земных береговых развалин.
Я груб. Я недостойн. Я реален.
За что ж она мне — музыка твоя?*

Всего о нем не скажешь. Читайте.

*Римма Казакова,
Первый секретарь Союза писателей Москвы*

СТИХИ

Котелок

Шумовкой огорошен,
сварился царь Горох.
Не очень был хорош он,
но в общем был неплох.

Бурлит в котле эпоха.
Со дна вскипает соль.
На трон царя Гороха
взошел король Фасоль.

Дави, укроп, петрушку!
Жги, перца колпачок!
Законна заварушка.
Стручка сменил стручок.

Но лишь покой добыл он,
глядь — снова клич трубы.
На трон, подняв дубины,
с низов идут бобы.

Дым — вправо, пламя — влево.
Да посвист с ветерком.
И нет конца полену
в огне под котелком.

Борго-Сан-Лоренцо

Г. Данелии

Забинтую от ножей порезы.
Обниму овчарку после драки.
Знаешь, серый — в Борго-Сан-Лоренцо —
памятник стоит одной собаке.

С другом пьем — душою отогреться,
женскими изменами ранимы.
Выпьем, друг мой. В Борго-Сан-Лоренцо
женщины верны своим любимым.

К иве над рекой прижмусь я сердцем,
проклиная грохот реактивный.
Ива, слушай, в Борго-Сан-Лоренцо
есть такое дерево — олива.

Город с ликом божьего младенца.
Голубые призрачные дали.
Где ты, где ты, Борго-Сан-Лоренцо?
Без тебя совсем я пропадаю.

Но гудят и волны мне, и рельсы,
и кричит по-итальянски ветер:
— Что тебе до Борго-Сан-Лоренцо,
если счастья нет нигде на свете?!

Двое из ларца

— Эй, двое из ларца, одинаковы с лица!

— Тут мы!

Русская народная сказка

Ох уж эти из ларца,
одинаковы с лица!
Кончив сказочку началом,
начинают все с конца.

По приказу да бегом
мчат битюг за битюгом.
Топорами брюки гладят,
бревна рубят утюгом.

День да ночь — ни сесть, ни лечь.
В пушку — мясо, в борщ — картечь.
Пирог пекут в сугробах,
холодец толкают в печь.

В бочке солится рядно.
Снизу — крышка, сверху — дно.
На ковши цепляют струны,
в балалайки льют вино.

Что ж ты, Ваня-дурачок?
Пьешь, а зубы на крючок.
Одинаковым на рожу
ой как нужен твой молчок.

Ты ж хитрец да удалец.
Так очнись же, наконец.
Подыми свою дубину,
загони двоих в ларец.

Встань, пока не шибко пьян
да не врос в траву-бурьян.
Выбрось это чудо-юдо
в сине море-океан.

Ваня встал. В лице — ленца.
Хрупнул долькой огурца.
Влез в ларец. С дубиной вылез.

Здравствуй, третий из ларца!

Гадюшник

Здесь потный бармен — бычий взгляд.
Здесь мат и грязь, и снова мат.
Жарой обугленный солдат
гашиш вдыхает над стаканом.
А над столами — дым и смрад.
Ни дать ни взять — предбанник в ад.
Он пахнет установкой «град»
и Карабахом, и Афганом.

Вплывают девочки в кабак.
Не надо, мальчики, атак.
Вот та — пятак, вон та — коньяк,
а эта вовсе за бесценюк.
А за стеклом в закатный мрак
сползли ступени, словно трак.
На них лежит, как сбитый танк,
руина Дома офицеров.

Я нынче пьян всего на треть.
— А ты с мечтой? Нет, ты ответь, —
пристала страшная, как смерть,
Кармен — знакомая воровка.
Мечту? А как же не иметь?!
Чего б ходил я в эту клеть?
Одна мечта — не отрезветь,
чтоб не намыливать веревку.

Зажмем стаканы в кулаки.
Угрюм пацан с лицом карги.
В двух голубых его — ни зги.
Он знал крутые переделки.
В горах лежат его враги.
А он — бухой, он — без ноги.
Он масла постного круги
выуживает из тарелки.

Он зол, виновный без вины,
что нынче от его страны
остались драные штаны,
да и штанов-то не осталось.
А тут пред ним, грудей полны,
как эротические сны,
слетелись девы на чины,
тряся филейными местами.

Усов с помадой жирный чмок.
Вперед, майор! Вперед, браток!
Колготки трутся о сапог,
а бармен музыку врубает.
И в темя, словно молоток,
с оттяжкой бьет тяжелый рок.
Скрещенье рук, скрещенье ног
и нимбы дыма надо лбами.

Ползут из кухни облака.
Кряхтит шеф-повар кабака.
Он, не снимая колпака,
к «Тойоте» прет баранью тушу.
А здесь латыш издадека,
куснув цыпленка-табака,
скривился, как от мышьяка,
и встал, и пошагал наружу.

Подняв джинсовые крыла,
Кармен от стойки отплыла.
Мне кажется — она мила.
Я пьян уже наполовину.
А в баре драка. Во дела!
И бармен, лопааясь от зла,
бьет в лоб настырного хохла.
— Езжай своя на Украина!

Прощай, души сладчайший плен, —
Колхида с ликами сирен,
эстоночка у древних стен,
холмы зеленые Молдовы.
Увы, увы. Наш мир мгновен.
Да ты ж красавица, Кармен!
Давай! За ветры перемен!
Я на три четверти готовый.

Но стоп, воровочка. Привет.
Три четверти — предвестье бед.
Три четверти — большой секрет.
При них сама душа не в духе.
Уже лафит нам — что лафет,
уже нам все глядят вослед,
а все гнетет, что нормы нет,
все не хватает четвертухи.

Эх, алкоголь, какой ты злой!
Всегда мы пьем не по одной.
Вот с другом выпить — долг святой,
не жаль презренного металла.
Но друг беспутный и хмельной
сплыл с эмигрантскою волной.
Ему бы водку пить со мной,
а он Израиль подметает.

Конечно, воздух дальних стран
не каждому судьбою дан.
Женева, Токио, Милан —
не здешних гениев обитель.
Бродвея сцены, розы Канн,
Феллини золотой экран,
там хоть на клумбе дрыхни пьян —
не забирают в вытрезвитель.

А здесь? Здесь бармена кадык.
Кармен мне кажется злой язык.
И что ни рожа, что ни лик —
все как в тюрьме на карнавале.
Но вот он, долгожданный миг —
колтун уборщицы возник,
и взмыл вороны старой крик,
родной до боли: — Закрываем!

Я с детства денег не кую.
Рублевку бармену даю.
На остальные — хошь, спою?
Но, но, братан, не надо крови.
Дарю я к данному рублю
часы и кожанку свою.
Я все равно вас всех люблю.
— Пошел ты со своя любви!

Ну что, скажите, за страна?
Не я ж — душа моя пьяна.
Пошел я в... пошел я на...
Но ведь проблем-то не решили.
А за стеклом висит луна,
и той луной озарена,
меня, как верная жена,
ждет милицейская машина.

* * *

Любовь, я уплываю, уплываю.
Дымится костерок на берегу.
Тебя не я, а звезды целовали.
Я оставаться больше не могу.

Отчаливаю, шест вонзая в берег.
Зеленая разносит нас вода.
Вверх по реке гребут, покуда верят.
Вниз по реке уходят навсегда.

Вниз по реке. И нет с теченьем сладу.
Звезд на губах с тобой нам не сберечь.
Порыв разлуки — горечь и досада —
твою штормовку сбрасывает с плеч.

Скользят и плачут доски под ногами.
Пропал вдали дымок от костерка.
И берег твой уже за облаками.
— Прости меня! — кричу сквозь облака.

* * *

Когда в твоих руках чужие судьбы,
в стране любой, в любую из годин
да будут справедливы твои судьи,
не знающий покоя властелин.

Коран ты чтишь или осенен крещеньем,
работай от зари и до зари.
Не опоздай к виновному с прощеньем,
попешным гневом бед не натвори.

Покуда в небе солнце не погасло,
не для утех землей своей владей.
Лиши себя и славы, и богатства
и властвуй не людьми, а для людей.

Пусть не увижу райской благодати,
но повторю, сходя к могильной мгле, —
лишь тот, кто власть приемлет, как распятье,
достоин власти бога на земле.

Отпуск

Здесь, где фривольный ветер юга,
где мы гуляем и чудим,
твоя свободная супруга
летит под парусом чужим.

Над нею небо голубое,
и чайка плещется над ней,
но ты не бейся головою
о дамбы северных морей.

Пускай прикинулся поэтом
ее веселый ловелас.
Он яхту накренил по ветру.
Она с него не сводит глаз.

Пусть лица их в соленой пене,
и он ее поцеловал.
Пускай под вечер по ступеням
они, как в рай, сойдут в подвал.

Он стол изысканный закажет
с форелью, тающей во рту.
Пускай до ночи музыканты
играют ей ее мечту.

Зато однажды, как подарок,
с пурги в охолостевший дом

она влетит, искря загаром,
с глициниями и вином.

В цветастой новенькой хламиде,
с помадой яркой на губе
она, конечно, скажет: — Милый,
я так скучала по тебе.

И так вздохнет о днях приморских,
о чайках над коньками крыш,
что не заметит в доме лыж
твоей прелестной эскимоски.

* * *

Я виноват, что звери умирают.
Я виноват — а чем, не знаю сам, —
что чья-то мама плачет в Зауралье,
а сын в столице глух к ее слезам.

Я виноват, что с рельс летят колеса.
Я виноват — рассудку вопреки, —
что град побил за Волгою колосья,
а в Каспии погибли рыбаки.

Я виноват, что атомы в распаде,
что треск огня проламывает лес.
Я виноват, что Господа распяли,
я виноват, что он потом воскрес.

Я виноват, что из глубин жаровен
на землю угли адские летят.
И лишь в одном я, точно, не виновен —
в том, что во всем на свете виноват.

Записка на запертых дверях

Нажал на кнопочку?

Привет!

Смени изжогаю истому.
Меня сегодня дома нет.
И никогда не будет дома.

Считай себе, что ты поэт.
Но больше дверь мою не торкай.

Не все же я.
Иди к потомкам.
Потомков тоже дома нет.

Алка

Семейный герб от хулиганов
меня берег, как от огня.
Но Алка-дикая с Майдана
сквозь фикса свистнула меня.

Я бегал в темную лачугу,
где карты, дым и перегар,
где бог бросал звезду ночную
на струны плачущих гитар.

Она была голубоглаза.
Бандюг не ставила ни в грош.
Но губы красила, зараза,
Глядясь в хромированный нож.

Взрослел я под ее напором.
И, в первый раз поцеловав,
я одичал и сразу понял,
что герб семьи моей не прав.

Была любовь ее недолгой,
но это свистнула судьба –
всю жизнь из гербового дома
бежать в лачугу без герба.

Моя шальная одногодка.
Счастливым поворотный миг.
Весна. Футбольная погода.
И двадцать восемь на двоих.

* * *

Я с весны уж на кладбище не был.
Вдруг увидел, ступив за порог,
что не снег это падает с неба,
а единственный мамин платок.

Не явилось бы это виденье.
Но ноябрь стоит на дворе.

День рожденья. Ну да, день рожденья.
День рожденья ее в ноябре.

* * *

Дождь ошалел. И не наступит утро.
Мчат фары по дороге столбовой.
Ну хоть одна остановись, попутка!
Из ночи забери меня с собой.

Хоть кто-нибудь... Прошу вас... Я хороший.
Не пропадать же мне среди лесов.
Бетонкою летящие колеса
мне отвечают брызгами в лицо.

Я им кричу. А голос мой простужен.
Я матом крою, бог меня прости.
Пусть я сегодня никому не нужен,
но завтра ж я понадобится в пути.

Машины по глазам стегают светом.
Пронесется, всей массой гудя.
На сердце мне, качаемая ветром,
летит стена холодного дождя.

Она летит и круто, и полого.
А я стою, стирая пот со лба.
Машины мчат. И как всегда, дорога –
одно и то же в жизни, что судьба.

Осенний набросок

Вроде и не было лета.
Дрогнут в тумане стога.
Стонущая телега.
Сиротские берега.

К лицу поднесу ладони.
Пахнут они рудой,
бензином и солидолом,
а в общем-то, лебедой.

Тает село одиноко.
Дождик идет на поля.
Лошади грустное око.
Размытая колея.

* * *

Не ценой ли слезы
мы красиво поем?
Не от зуба ль гюрзы
шрам на сердце моем?

Не от злых ли костров
бьется пламя строки?
Не от свиста ль ветров
на душе сквозняки?

Или песнь хороша
от золотого вина?
Или смерть не страшна,
потому что одна?

Иль на звездном плато
скрыта наша руда?
Не ответит никто.
Ни за что. Никогда.

* * *

Ты узнай этот звук улетающих плещущих крыл.
Это звук над землей, где тебя я всей кровью любил.

Это изгнанных птиц невозвратный ночной перелет.
Это лунной дороги труба золотая поет.

Ты узнай этот звук, пока он не растаял вдали.
Это звук над землей, где мы счастье и горе сплели.

Над твоими глазами, что были ночами светлей.
Над землею осенней, прощальной землею моей.

Это звук расставанья и следом летящей зимы.
Это звук над землей, где друг друга не поняли мы.

* * *

На столах хрустит капуста.
Пальцы мнут капусту всласть.
Здесь от сока и от хруста
можно в обморок упасть.

Начихаешься от специй.
Ступок стук да лезвий свист.

Скачет в чан горошек перца
и летит лавровый лист.

В кочерыжку, брат, вгрызайся!
Здесь ни званий, ни чинов.
Здесь морковь, как уши зайца,
прыгает меж кочанов.

Здесь на спесь махни рукою.
Ей, капусте, все равно,
у кого коньяк с икрою,
у кого с треской вино.

Потому она капуста,
И хвалить ее не грех.
Не у всех одна закуска,
Но рассол — один для всех.

Слушая Владимира Высоцкого

Ненавижу себя всею кровью.
Горько пьян от вины и стыда.
Но стихами своими надгробье
я певцу не сложу никогда.

Не сложу. Не возьмусь. Не посмею.
А сложившему — что ж — исполать!
Я ничем не мешал этой смерти.
Я не вправе его отпевать.

Под чужие бескровные гимны
соскребу я с души своей ржу.
Вылью в глотку вину у могилы
и соленым стыдом закушу.

Есть одна только горечь-отрада
в этом черном настое вины —
золотая трава — трын-отрава
навевает нам сладкие сны.

Пью вину. Горячо. Безутешно.
Но не ваш я, петля и свинец.
Есть еще хоть на что-то надежда,
где поют до разрыва сердец.

Незабудка

За разбитую башней костела
тянет шею к закату шлагбаум.
Пахнут шпалы мазутом и ветром.
Вдалеке семафор однорукый.
А вблизи — из фанеры пивная.
Рядом — речка Салар. И прохлада.
В стороне от насосов и бочек
возле насыпи режется в карты
Колька-принц с молодыми ворами.
Колька — бог этих старых окраин.
Он жует папиросу, и чубчик,
как у Гитлера, косо слетает
на огонь зажигалки трофейной.
На дымящихся кружках пылает
золотое прощальное солнце.
И для Кольки шикарное танго
патефон его личный играет.
И мерцает, качаясь, мембрана
на волне довоенной пластинки.

Мимо Кольки, стуча каблучками,
Незабудка идет к переезду.
Незабудка идет, как танцует.
Над дорогой звенят от загара
молодые упругие икры.
За плечо переброшена сумка.
Рвется тело из блузки в горошек.
Знают все — влюблена она в Кольку,
оттого и прикушены губы.
Но глаза, подведенные тушью,
не глядят на саларского принца.
Ей плевать на шикарное танго
и на пьющих вокзальное пиво.
На лицо ей несет паутинку
в листопадах погожая осень.
Незабудка ни слова не скажет,
если Колька ее не окликнет.
Только глянет с усмешкой, да в сумке
финский ножик о зеркальце звякнет.

А над насыпью к Тахиаташу
товарняк громыкает на стыках.
И стоит у огней переезда
в пиджачке шестиклассник с портфелем.

Знает он — в этот час Незабудка
здесь пройдет на субботние танцы.
Ну конечно, пройдет... Ну а как же?..
Грохоча раскаленным железом,
пролетают вагоны, цистерны.
Едут люди на стройку канала,
на укладку железной дороги
от Чарджоу к барханам Кунграда.
Черен дым из трубы паровоза.
Но сквозь копоть, сквозь брызги от пара
шестиклассник глядит затаенно,
как стоит у путей Незабудка,
чуть смежив голубые ресницы.
Перед нею грохочут платформы.
Ветер — в губы. И челка порхает.

Старый парк за железной дорогой.
Бьет фонтан над русалкой из гипса.
Глухо щелкают в тире воздушки.
Вьется пыль от фанерных мишеней.
Мимо тира ко входу бильярдной
инвалид на скрипучей коляске
подъезжает, куря самокрутку.
Колька-принц отдает ему серьги,
золотые часы и браслеты.
Инвалид их за пазуху прячет.
А над парком взлетают качели.
Реют в воздухе синие лодки.
И вдали за стволами деревьев
ровно в семь танцплощадка открылась.
Там над прутьями ржавой ограды
встал на цыпочки мальчик вихрастый,
чтоб услышать аккордеоны,
чтоб, душой замирая, увидеть
меж танцующих блузку в горошек.

Над горбатою крышей эстрады
чуть качается шарик воздушный.
И под музыку танца каштаны
в небе осени ветер колышет.
На ограду витую слетают
золотые и красные листья.
И сквозь них проходя без билета,
Незабудка по-царски вступает
на хмельной пятачок танцплощадки.

От толпы отделяется Колька.
И с почтеньем фиксатые парни
пропускают его к Незабудке.
А в тени от ветвей над оградой,
встав на цыпочки, мальчик вихрастый,
чуя пальцами ржавые прутья,
молча смотрит, как принц косочубый
прижимает к себе его счастье.
И танцует. И, глядя в пространство,
пятернею по юбке проводит.

Ночь шумит за окном листопадом.
Мой тринадцатилетний романтик,
от обиды в слезах засыпая,
не глазами, а сердцем подростка
Незабудку любимую видит.
Вот стоит она в темном подъезде,
положив ему руки на плечи.
Ну конечно, ему, а не Кольке
через челку в глаза она смотрит.
Никого на полночной площадке.
Сквозь разбитые стекла подъезда
с тайным шорохом листья влетают.
А лицо Незабудки все ближе.
И чуть-чуть приоткрытые губы
все доступней ему, все желанней.
От окна опускается с неба
свет таинственный лунной дороги.
И глаза, подведенные тушью,
обещают любовь до могилы.

А глаза, подведенные тушью,
в это время, сверкнув по-кошачьи,
озарили сарай у помойки,
двор безлюдный и черные окна.
И зашлое ее юное сердце
от пропахших вином поцелуев,
от любви долгожданного принца.
И в разбойной ночи листопада,
задыхаясь от грубых объятий,
будто слово блаженной молитвы,
простонала она его имя.
На мгновенье теряя сознание,
воскресая и вновь пропадая,
жарким телом она ощутила

эти к взлому привыкшие руки.
И, почуяв лопатками землю,
Незабудка откинула челку.
И над нею в неистовом небе
накренились от счастья созвездья.

Мой вихрастый, мой милый романтик,
тридцать лет, как с тобой мы расстались.
Двадцать лет, как зарезали Кольку,
десять лет, как спилась Незабудка.
У судьбы не бывает промашек.
Над могилой ее за Саларом
каждой ночью кричат тепловозы
о разлуке, которая вправду.
Мы не встретимся больше, романтик,
ни у дальних огней переезда,
ни у прутьев железной ограды,
где когда-то шумели каштаны.
О тебе мне осталась на память
только эта громада костела,
где сквозь черные камни развалин,
как сквозь пепел всего, что сгорело,
пробиваются к жизни и свету
всходы горькие поздних прозрений –
голубые цветы полевые.

Открытка

Новогодней ночью по моим законам
нарисуй сердечко на стекле оконном.

Нарисуй сердечко на стекле туманном.
В нем увидишь правду. Правду без обмана.

Будут в том сердечке хлопья падать с неба.
Вдалеке увидишь — я стою под снегом.

К твоему окошку протяну я руки.
Руки не пустые. В каждой — по разлуке.

Зазвенит поэмка. Закружится буря.
Ты гляди в сердечко, пока видно будет.

* * *

Зануда, без толку ученый –
придворное веретено.
Когда б ты сколотил бочонок,
в нем, точно, скисло бы вино.

Назначь косцом тебя, ты с маху
все скосишь, кроме травы.
А стань портным — сошьешь рубаху,
но без дыры для головы.

* * *

По бездорожью через ночь кочуя,
ты сердцем непогоду не кляни.
Не вечно же идти сквозь мглу ночную.
Еще он будет — огонек вдали.

Еще не раз в кочевье безутешном
тебе он даст и крышу, и тепло.
Еще вернуться вера и надежда.
Не может быть, чтоб вечно не везло.

Но если огонек задуло ветром
и окружил безвыходный простор,
есть напоследок выход самый верный —
остановись и заложь костер.

Прикрой ладонью спичку осторожно.
И, затянувшись горьким табаком,
зажги костер, зажги на бездорожье.
Стань для кого-то этим огоньком.

* * *

Над глубокими морями
звезды в небе высоки.
Лист
с неровными краями,
сохрани мои стихи.
Не для чтенья без запинки.
Строки жизни —
для души.
Как в тайге живут тропинки,
как в озерах — камыши.

Каждый стих
        лесной поляне,
птице, облаку сродни.
Лист с неровными краями,
сохрани их, сохрани.

Не потомкам на закланье,
не для ропота молвы.
Как улыбку,
        как дыханье
ветра, моря и листвы.

Пираты

Левый борт ударил по светилам.
Правый — аж до палубы просел.
Там, где двое за ножи схватились,
качка начинается для всех.

Борт на борт. Компасы перебиты.
Жизни рубим, что канаты рвем.
Вспомнили мы кровные обиды,
но забыли, сколько под килем.

Нас несет ветрище на кораллы.
Глотку мне распарывает крик.
Что ж мы, братцы, гробим свой кораблик?!
Он еще сгодится для других.

А кораблик носом роет ямы.
Палуба уходит под волну.
И вопит на мачте обезьяна,
лапою хватаясь за луну.

Я ору, но сам себя не слышу.
На канаты схаркиваю кровь.
Боже правый! Неужели крышка?
Образумь нас, Боже. Не накрой.

Ты ведь говорил, что люди — братья.
Не твори, — учил, — на свете зло.
То-то на кровавой рукояти
пальцы мне до судорог свело.

Улетают к звездам наши трапы.
Плачь, скорлупка! Плачь, родимый дом!

Все безбожней между нами драка.
Все смертельней волны за бортом.

Парусину в небесах мотает.
Мечется без кормчего штурвал.
Кровушка ты наша золотая.
Безрассудство наше наповал.

* * *

Звон колокольчиков над полем.
Гудят репы и лопухи.
И с кочаном капусты полдень
нахально прет в мои стихи.

А ты живешь в оранжерее
среди парниковой красоты.
И флоре избранной служенье
в тебе не терпит суеты.

Вся — из достоинства и лоска.
Вся — не по нашим черенкам.
То гладиолусы, то флоксы.
Нет жизни бедным сорнякам.

Но славься, скрытая отвага!
Она тебя, что легкий лист,
вдруг понесла во мглу оврага
на чей-то — ох, крамольный — свист.

И понял я — ты не погибла,
когда на юбочке твоей
под сенью роз и георгинов
сверкнул, как солнышко, репей.

* * *

Чем ждать великих перемен,
натри-ка, брат, на терке хрен,
нарежь селедочку отменно.
За самым главным в погреб слазь.
И с другом наболтайся всласть.
Такое не отменит власть

и никакие перемены.
Пускай горланят бунтари.
Ты, брат, на терке хрен натри,
нарежь на ломтики селедку.
На бунтарей рукой махни.
Лихой подруге позвони.
Моралитэ? Но извини,
коль бунтовать, так уж с красоткой.

Не лей слезу на прах надежд.
Обрыдла сельдь? Тогда не режь.
Но крепкий хрен натри на терке.
Ведь хрен, как правда без прикрас,
все слезы вышибет из глаз.
Он бодрости душе придаст.
Да и с лица сойдут отеки.

Чудо-речка

В рай ли мчит нас речка эта
иль несет в кромешный ад?
Левый берег — с вёдром лето.
Правый — с вьюгой снегопад.

Ну и речка! Ну и диво!
Правда с кривдою в ладу.
Слева рыщут крокодилы.
Справа морж трубит на льду.

Брать правее — нет одежды,
да и лед не шибко люб.
Брать левее — попадешься
земноводному на зуб.

Не решил матрос вопроса.
Так на так — один исход.
Плюнул в речку. Бросил весла.
Пусть несет, куда несет.

Дугоба

В горах, во мгле небесных круч,
как взрыв, над нами запылал
не просто луч в разрыве туч,

а огненный девятый вал.
Заката золото рвалось
в провалы, в грохоты грозы.
И пела радостная злость
в глазах твоих из бирюзы.
Штормовка билась, как флажок.
Ты отшвырнула ледоруб.
И все лицо мое обжег
пожар твоих разбойных губ.

А к ночи смолкло все окрест.
Была моя ты и ничья.
И мгла волос, как мгла небес,
к плечу металась от плеча.
Божественна и весела,
ты целовалась, вся в жару.
И хлопал, что крыло орла,
брззент палатки на ветру.

А поутру дымил очаг.
Плыла рассветная звезда.
И ты молчала, как молчат
перед разлукой навсегда.

Я не печалюсь о былом.
И в горочку — мои дела.
Но кто-то молвил за столом:
— С лавиной девочка ушла.
Играл в трюмо огонь свечи,
и под гитару пел цыган.
Потом в расхристанной ночи
я с кем-то тихо танцевал.
Ничто не дрогнуло во мне.
Дым сигарет. Полно питья.

В какой же вырос я стране?
И что такое — этот я?

* * *

Нищему снится монета.
Снится бродяге перрон.
Тощему снится котлета
в жарком кругу макарон.

Снится деревне столица.
Борову снится свинья.

Мне в вытрезвителе снится
чистая простыня.

Снятся спортсмену медали,
юнге — с невестой причал.
Каждый на крыльях мечтаний
в небе плывет по ночам.

Каждому снится везенье.
Только из этих чудес
утром на трезвую землю
бесы нас тянут с небес.

Как тут не клясть пробужденье?
Где от петли тут гарант?
Боже, прости прегрешенья.
Дай похмелиться, сержант.

1952

У апреля зеленые тени.
И открыто окно поутру.
Чья-то песенка там, за сиренью,
чей-то легонький шарф на ветру.

Ночью град прогулялся по крышам.
Мне двенадцать. Ни бед, ни утрат.
Где-то горlinkка горlinkку кличет.
Где-то мама с отцом говорят.

Где-то, где-то тележка менялы
через дворик везет облака.
В старом доме — прохлада подвала.
В старом доме — сквозняк чердака.

Там я тайно курю сигарету.
Вымыт лестницы шаткий пролет.
Слышен крик из квартиры соседа.
Дверь распахнута. Обыск идет.

Там белье на веревке повисло.
Пар стоит над стиральной доской.
Там Шульженко — про старые письма,
там Утесов — про берег морской.

Змей пергаментный в небе трепещет.
Пахнет хлебным зерном винзавод.

– Вещи старые. Старые вещи, –
под балконом старьевщик поет.

* * *

Калачом тебя слепили
да забыли сунуть в печь.
Входишь гостем без бутyli.
Точно тесто, тянешь речь.

Чтоб спросить о редьке с хреном,
ночь не спишь, страдаешь днем.
Получив ответ мгновенный,
месяц думаешь о нем.

Говоришь все время «как бы».
Что ж, тебе я как бы рад.
Только ты, калач, смекаю,
как бы полуфабрикат.

В этом как бы нет плохого.
Но во здравье бытия
или ты ступай в духовку,
иль с квартиры съеду я.

* * *

Как бы нас ни ограждало
наше время — рамой, клетью,
нас — для времени нежданно —
не сдержали клетки эти.

И остались, как ни странно,
целы прутья их литые,
и остались целы рамы,
удивительно пустые.

Рама слева, клетка справа.
Только время упустило,
что само уже из рамы
нам в глаза глядит с картины.

Пусть оно лупило крепко,
но зато попало с лету
в крепко скрученную клетку
строк литых под переплетом.

* * *

Назначим-ка свидание.
Свидание — не грех.
Завалимся куда-нибудь
подальше ото всех.

Под тихую гитару
со скрипкой пополам
официантка старая
подарит счастье нам.

В шампанском, как снежинки,
взыграют пузырьки.
Две кратких наши жизни
покажутся легки.

Вино печаль развеет.
И, опустив крыла,
вдвоем Любовь и Вера
присядут у стола.

А с Верой и Любовью
не перевесть бесед.
Все есть у нас с тобою.
Надежды только нет.

Скрипачка

Твои глаза — две тундровые мошки.
Нос — что хлебало деревянной ложки.
С хвостом затылок — что олений зад.
Но лишь смычок твой упадет на струны,
немее сердце и дышать мне трудно.
Алмазов груды. Метеоров руды.
Два северных сияния в глазах.

* * *

Ни франций тебе, ни италий.
Ну что же, достанем стакан.

К Иванушке в дальние дали
конек-горбунок ускакал.

Ну что же, давай веселиться.
Возьмем на копейку вина.
Свисти, моя райская птица.
До дна, дорогая, до дна.

За что? Да за эту планиду,
за солнце в прощальном вине,
за два твоих карих магнита,
в которых печаль обо мне.

За этот погожий денечек,
за мой невезучий билет,
за то, что божественны очи
у счастья, когда его нет.

* * *

Печаль радоновых озер.
Как осень — пасмурное лето.
Дожди размыли чернозем
и треплют дальний перелесок.

Сторожке ветер бьет в окно.
На голой ветке птица плачет.
Я рад, что вспомнить мне дано,
как жил я и с чего я начал.

Я рад, что слышу воронье,
что сиротлив, как дождь и поле.
Кто проклял прошлое свое,
того и в будущем не вспомнят.

Холодной измороси мгла
в краю глухом и невезучем,
меня случайно ты нашла.
Спасибо за счастливый случай.

За этот серенький восход,
за это озеро слепое,
за одинокий самолет
на пасмурном нелетном поле.

* * *

Тебе не утаить огонь в крови
ни взглядом строгим, ни холодной шуткой.
Я чую плечи жаркие твои
под снежную искрящуюся шубкой.

И что колготок северный туман?
Что прелесть грациозная сапожек?
Они, прости, не больше, чем обман
перед красою обнаженных ножек.

* * *

Он был армейский запевала
и водку спиртом запивал он,
когда с женою генерала
тайком пускался в беспредел.
Его погоны были голы.
Однако не прошло и года,
как лейтенантские погоны
он перед зеркалом надел.

А прапорщик блистал бельканто
и с безоглядностью таланта
крутил с женою коменданта.
Весь гарнизон об этом знал.
И комендант как муж и воин
всем этим очень недоволен,
низвел его до рядового
да и упек под трибунал.

Как часто счастье и несчастье
приходят к нам от жен начальства.
Но лучше, друг, не обольщаться
и обходить их стороной.
Не быть в долгу — себе же краше.
Не надо трогать что не наше.
Но стоп. Откуда этот маршал?
Вон — в ложе. С юною женой.